СИЛЬВЕН НЕВЕЛЬ
СПЯЩИЕ ГИГАНТЫ

À Théodore.
Maintenant, on va t'apprendre à lire... et l'anglais[1].

Пролог

Это случилось во время празднования моего дня рождения. Мне исполнилось одиннадцать лет. Папа подарил мне велосипед: белый с розовым – и вдобавок с кисточками на ручках. Мне сразу же захотелось прокатиться на нем, но родители заявили, что мне нельзя уходить из дома, потому что ко мне в гости пожаловали все мои друзья. Хотя на самом деле это было враньем. Я никогда не имела настоящих друзей. Я любила читать, гулять в лесу и вообще предпочитала одиночество. И я всегда чувствовала себя неуютно в обществе сверстников. Однако в день моего рождения родители обычно приглашали в гости целую ораву соседских ребятишек: к слову сказать, я даже не всех знала по именам. Впрочем, они были приветливыми, милыми и дарили мне подарки.

Я послушалась родителей. Задула свечи на праздничном торте и занялась остальными подарками. Я старательно растягивала рот в улыбке до ушей. Знаете, сейчас я и не вспомню, что мне подарили, кроме велосипеда, поскольку в тот момент я думала только об одном: как бы побыстрее сбежать из дома и прокатиться на бело-розовом чуде.

Гости разошлись, когда подоспело время ужина. Мое терпение было на исходе, я была не способна более ждать ни минуты! Вскоре должно было уже совсем стемнеть, а тогда отец не выпустил бы меня из дома до утра.

Незаметно выскользнув через дверь черного входа, я из всех сил надавила на педали и помчалась к лесу, который начинался в конце улицы. Сбросила скорость я, пожалуй, лишь минут через десять. Смеркалось, и я подумывала о том, чтобы вернуться обратно. Наверное, в тот вечер я просто устала от всего… Затормозив, я прислушалась к шуму ветра в кронах деревьев. Осень была в самом разгаре, и листва расцветила окрестные холмы яркими красками. Внезапно похолодало, воздух наполнился сыростью, как будто где-то прошел дождь. Солнце клонилось к горизонту, и небо приобрело такой же розовый оттенок, как и кисточки на руле моего велосипеда.

Неожиданно прямо за моей спиной раздался хруст. Я решила, что рядом пробежал заяц, и принялась внимательно изучать склон холма, но никого так и не увидела. Тогда я, словно по наитию, оставила велосипед на тропе и начала спускаться вниз, раздвигая перед собой ветки.

Сперва я не могла ничего толком рассмотреть, потому что осенняя листва еще не опала, но спустя некоторое время я заметила чарующее бирюзовое сияние, которое пробивалось сквозь заросли. Я не понимала, откуда оно исходит. Это, конечно, не могли быть отблески от воды: река шумела вдалеке, а сияние… казалось, что оно обволакивало все вокруг.

Я спустилась к подножию холма, и вдруг земля ушла у меня из-под ног.

[1] Посвящается Теодору. Теперь тебя научат читать… а также – английскому языку (*франц.*). *(Здесь и далее – прим. пер.)*

Дальше я почти ничего не помню. Я пробыла без сознания несколько часов. Очнулась я перед рассветом. Мой отец стоял где-то наверху, футах в пятидесяти надо мной. У него шевелились губы, но я ничего не слышала.

Яма, в которой я лежала, была абсолютно квадратная, диаметром с наш дом. От затейливой резьбы на ее темных, ровных стенах исходило дивное бирюзовое сияние. Пошевелив руками, я обнаружила, что лежу на земле, покрытой слоем камней и сломанных веток. И эта поверхность была слегка изогнутой: холодной, гладкой и металлической.

Наконец я заметила пожарных в ярко-желтых куртках – они суетились вокруг моей ловушки. Вскоре на дно ямы упала веревка – прямо в паре футов от моей головы.

Дальше у меня в голове все опять перепуталось, но я знаю, что в конце концов меня привязали к носилкам. А подняли меня наверх уже после восхода солнца.

Отец впоследствии помалкивал об этом происшествии. Когда я спрашивала у него, куда я упала, он придумывал очередные остроумные объяснения насчет того, что представляла собой яма.

Однако примерно через неделю раздался звонок в дверь. Я окликнула папу, но он не отвечал. Я слетела вниз по лестнице, чтобы встретить незваного гостя. На крыльце стоял пожарный – как раз один из тех, кто вытащил меня из «западни». Во время спасательной операции он успел нащелкать дюжину фотографий и сейчас хотел показать их моим родителям. Он заявил, что мне тоже будет интересно взглянуть на снимки. Что ж, он не ошибся! Я походила на крошечный комочек, белеющий на дне темной ямы. И я лежала навзничь – на раскрытой ладони гигантской металлической кисти.

Часть первая
Части тела

Документ № 003

Беседа с доктором физико-математических наук Розой Франклин, старшим научным сотрудником института Энрико Ферми.

Место: Чикагский университет, Чикаго, штат Иллинойс.

– Каких размеров была кисть?

– Шесть целых девять десятых метра, около двадцати трех футов – но одиннадцатилетней девочке она, конечно, показалась просто необъятной.

– А что вы сделали потом?

– Ничего. Мы почти не говорили о том случае. Я каждый день ходила в школу, как и остальные дети моего возраста. В нашей семье ни у кого не было высшего образования, поэтому родители поощряли мое увлечение физикой.

Догадываюсь, что вы сейчас спросите. Я бы хотела вам ответить, что я занялась наукой из-за металлической руки, но вообще-то физика мне всегда нравилась. Мама и отец заметили, что я проявила склонность к естественным и точным наукам еще в раннем детстве. Наверное, мне было четыре года, когда на Рождество мне подарили мой первый набор для научных опытов. Электрический конструктор – из такого можно собрать телеграфный аппарат и другие устройства, вставляя провода в подпружиненные зажимы.

Знаете, я вряд ли бы выбрала в жизни другой путь, даже если бы в день своего рождения послушалась папу и осталась дома.

Так или иначе, я окончила среднюю школу и продолжила заниматься тем единственным, что у меня получалось. Я выбрала научную стезю. Видели бы вы моего отца, когда я сообщила ему, что меня приняли в Чикагский университет! Никогда раньше мне не доводилось видеть столь счастливого человека. Папа не радовался бы так, даже если бы выиграл в лотерею миллион долларов!

Отучившись, я защитила докторскую диссертацию, и мне предложили работать в университете.

– Когда вы снова нашли кисть?

– А я ее не искала. Через семнадцать лет она сама меня нашла… если так можно выразиться.

– Что случилось?

– С кистью? То место, где ее нашли, взяли под контроль военные.

– Когда именно?

– Сразу же после того, как меня вытащили наверх. Где-то часов через восемь на место происшествия нагрянули военные. Руководил ими полковник Хадсон – по-моему, именно так его и звали. Он был из наших краев – поэтому знал всех и вся. Не помню, чтобы мы с ним встречались лично, но люди, которым довелось общаться с Хадсоном, отзывались о нем исключительно хорошо.

Я читала кое-что, что осталось от его записей, – к сожалению, они были основательно отредактированы военными. Полковник вел работы три года, и главная его задача состояла в том, чтобы разгадать смысл значение странных резных узоров. Рука, которая именовалась «артефактом», упоминалась Хадсоном лишь вскользь – пару-тройку раз. Кстати, кисть стала для него свидетельством того, что у ее создателей было сложное религиозное мировоззрение.

На мой взгляд, у Хадсона были очень четкие представления о поставленной перед ним задаче.

– И что вы еще о нем думаете?

– Ничего! Хадсон был профессиональным военным, а не физиком или археологом. Он никогда не изучал ни антропологию, ни прикладную лингвистику, которые могли бы пригодиться в данной ситуации. Каким бы ни было его предвзятое мнение, оно пришло из поп-культуры. Вы же наверняка смотрели фильмы про Индиану Джонса и прочих супергероев! К счастью для Хадсона, его окружали компетентные люди. Но, думаю, ему было крайне неловко руководить проектом, поскольку большую часть времени он блуждал в потемках и не понимал, о чем идет речь.

Просто поразительно, сколько усилий было потрачено на то, чтобы позже опровергнуть все напрочь! Предварительные исследования показали, что кисть создали около трех тысяч лет назад. Однако военных это не устраивало, и в итоге они попытались определить возраст найденного органического материала с помощью радиоуглеродного анализа. Выяснилось, что рука и остальные находки гораздо древнее, их возраст варьируется от пяти до шести тысяч лет.

– Неожиданно, не так ли?

– Еще бы! Ведь это открытие идет вразрез со всем, что нам известно об американской культуре доколумбовой эпохи! Древнейшая цивилизация находилась в области Норте-Чико в Перу, а металлическая кисть оказалась старше ее приблизительно на тысячу лет. Кроме того, совершенно очевидно, что никто не смог бы перетащить гигантскую руку из Южной Америки в Южную Дакоту. Кстати, и в Северной Америке развитые племена индейцев сформировались гораздо позднее.

В конце концов команда Хадсона заявила, что образцы, подвергнутые радиоуглеродному анализу, испачканы посторонним материалом. А после нескольких лет бессистемных исследований было объявлено, что возраст находки – тысяча двести лет. Ее классифицировали как место отправления религиозных обрядов ранее неизвестной боковой ветви цивилизации индейцев Миссисипи.

Я тщательно изучила все материалы. Нет никаких свидетельств, нет абсолютно ничего, что подтверждало бы теорию команды Хадсона. Эта версия просто чуть более правдоподобна – по сравнению с любыми другими гипотезами, вытекающими из имеющихся фактов. Если хотите знать мое мнение, по-моему, Хадсон не увидел в этом открытии никаких реальных перспектив для военной отрасли. Вероятно, его раздражало, что он впустую торчит в подземной лаборатории, и он хотел ухватиться за все, что угодно, в том числе и за самую нелепую идею. Он устал и мечтал сбежать оттуда.

– И ему это удалось?

– Да. Хадсон добился своего, правда, спустя три с лишним года. Но его история имела трагический конец. Однажды полковник выгуливал собаку, и у него случился инсульт. Хадсон впал в кому, а спустя три недели скончался.

– Что случилось с артефактом после его смерти?

– Ровным счетом ничего. Рука и панели с резьбой пылились на складе четырнадцать лет – военным стало на них просто наплевать. Исследованиями занялся Чикагский университет на средства, выделенные АНБ[2]. С ума сойти!.. Мне поручили изучить кисть, на которую я наткнулась в детстве. Забавное совпадение! Вообще-то я не верю в судьбу, и расхожий штамп «мир тесен» здесь не совсем уместен.

– С какой стати АНБ заинтересовалось археологией?

– Тот же самый вопрос я задавала и себе. Агентство финансирует самые разные исследования, и этот проект явно не вписывался в сферу его интересов. Возможно, АНБ заинтриговал древний язык, и агентство решило расширить свои практические познания, чтобы применить их в криптографии. А может, материал, из которого была сделана кисть, показался АНБ сверхпрочным… Короче говоря, нам выделили приличный бюджет, и я не задавала лишних вопросов. Я стала руководителем небольшой группы: мы изучили все, что смогли, с точки зрения точной науки и передали материалы в отделение антропологии. Гриф «совершенно секретно» тоже никуда не исчез, поэтому меня, как и моего предшественника, перевели в подземную лабораторию. Полагаю, вы ознакомились с моим отчетом, поэтому вам можно не докучать подробностями.

– Да, я его прочитал. Вы отправили отчет через четыре месяца после начала исследования. Какая поспешность!

– Отчет был предварительный, но я с вами согласна. Однако мне не кажется, что я поторопилась. Может, самую малость… Я сделала любопытные открытия, но сомневалась, что с теми скудными данными, которые у меня имелись, я смогу еще больше продвинуться вперед. Я очень хотела добиться прогресса в работе и не собиралась тянуть время. Но артефакты… они и впрямь могли поставить любого в тупик!

Кроме того, я считаю, что нам не хватает знаний и мы не добьемся значительных результатов без дополнительной информации.

– Кого вы имеете в виду?

---

[2] Агентство национальной безопасности (АНБ) – ведомство в составе Министерства обороны США, обеспечивающее охрану правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также отвечающее за электронное наблюдение.

– Нас. Себя, вас. Человечество. А в подземной лаборатории хранится то, что выходит за рамки нашего понимания.

– В таком случае расскажите о том, что вам понятно. Например, о панелях.

– Прочитайте еще раз мой отчет!..

Ладно, их – шестнадцать, размер каждой панели – приблизительно десять на тридцать два фута, толщиной они меньше дюйма. Вероятно, они были изготовлены приблизительно три тысячи лет назад. Мы...

– Простите, но вы не поддерживаете теорию загрязнения образцов?

– Нет никаких причин не доверять радиоуглеродному методу. И, если честно, возраст панелей является для нас наименьшей проблемой. Я упоминала о том, что символы постоянно светятся на протяжении последних семнадцати лет, без какого-либо видимого источника энергии?

Каждая стена этой своеобразной камеры состоит из четырех панелей, на которых вырезаны двенадцать строк длиной от восемнадцати до двадцати символов. Ряды разбиты на последовательности по шесть или семь символов. Мы насчитали пятнадцать различных знаков. Большинство встречается по несколько раз, некоторые появляются единожды. Семь символов состоят из кривых линий и имеют посредине точку, семь состоят из прямых линий, а один является обычной точкой. Они – простые по своей сути, но очень изящные.

– Удалось ли предыдущей команде расшифровать хоть что-нибудь?

– Забавно, но в отчете Хадсона есть раздел, который не подвергся цензуре со стороны военных: он посвящен лингвистике. Исследователи сопоставили символы со всеми ранее известными системами письменности, существующими в настоящее время и в прошлом, но не смогли найти никаких значительных соответствий. Они предположили, что каждая последовательность символов представляет собой высказывание, подобное предложению в английском языке, но в отсутствие каких-либо реальных ссылок не сумели построить ни единой догадки относительно их смысла. Работа была проделана досконально, все этапы скрупулезно документировались. Я не хотела повторяться и проделывать этот путь заново и поэтому отказалась от предложения включить в нашу группу лингвиста. А поскольку сопоставлять надписи было не с чем, мы тоже не смогли сделать логичные выводы.

Вероятно, я мыслила предвзято: ведь я впервые столкнулась с кистью, буквально рухнув на нее в день своего одиннадцатилетия! И меня неудержимо тянуло к руке. Я не могла это объяснить, но интуиция твердила мне, что главным является именно она.

– Разительный контраст с подходом вашего предшественника. И вы можете рассказать о кисти?

– Поразительно, но, по-моему, вы не слишком интересуетесь эстетикой! Итак, кисть имеет в длину от запястья до кончика среднего пальца двадцать две целых шесть десятых фута. Она однородная, сделана из того же самого металлического сплава, что и панели, однако по крайней мере на две тысячи лет древнее их. Цвет у нее темно-серый, со слабым бронзовым отливом, и она обладает радужными свойствами.

Ладонь раскрыта, пальцы сомкнуты, слегка согнуты, как будто держат что-то ценное, а может, и горсть песка, и стараются ничего не просыпать. Поверхность испещрена бороздками, как обычная человеческая кожа, однако имеются складки, расположенные в других участках. Полагаю, последние сделаны в декоративных целях. Все они испускают яркое бирюзовое сияние,

отчего металл радужно переливается. Кисть выглядит сильной, но одновременно... *утонченной* – вот единственное слово, которое приходит мне в голову. Я думаю, это женская рука.

– В настоящий момент меня интересуют конкретные факты. Из чего сделан артефакт?

– Выяснилось, что его практически невозможно распилить или вскрыть любыми известными способами. Кстати, потребовалось пять попыток, чтобы отделить крошечный кусочек от стеновой панели. Масс-спектрометр показал, что это сплав тяжелых металлов, в основном иридия, с добавлением десяти процентов железа и в меньшей концентрации осмия, рутения и других металлов платиновой группы.

– Сплав на вес золота, верно?

– Странно и парадоксально! Сплав значительно легче, чем должен быть, поэтому он значительно дороже своего веса… в чем бы то ни было.

– А сколько в действительности весит кисть?

– Тридцать две метрических тонны. Конечно, вы можете быть шокированы, но кисть необъяснимо легкая, если принять в расчет ее состав. Иридий является элементом с высокой удельной плотностью, возможно, с самой высокой, и даже с примесью какой-то части железа кисть должна была бы весить втрое больше.

– У вас есть какие-то объяснения?

– Увы, нет! У меня даже нет дельных мыслей по поводу того, каким технологическим процессом можно добиться подобного результата. Если честно, меня беспокоит не сам вес, а количество иридия! Ведь иридий не только один из самых тяжелых элементов в природе. Иридий – это редкость, своеобразное сокровище.

Между прочим, металлы данной группы – одним из них является платина – быстро соединяются с железом. Вот что произошло миллионы лет назад с большей частью иридия на Земле, когда ее поверхность еще была расплавленной! А поскольку иридий тяжелый, он, образно говоря, потонул, погрузился в ядро на глубину нескольких тысяч миль. То немногое, что имеется в земной коре, смешано с другими металлами, и для их разделения необходимы сложнейшие химические процессы.

– Насколько редким является иридий по сравнению с другими металлами?

– Повторяю, он весьма редкий! Скажем так: если собрать вместе весь чистый иридий, вырабатываемый на планете за год, получится не больше двух метрических тонн. Учитывая невероятную удельную плотность, объемом это приблизительно с крупный чемодан. Даже при нынешнем уровне технологий потребовались бы десятилетия, чтобы собрать достаточное количество иридия. Но на нашей Земле его очень мало, и хондриты[3] на поверхности не валяются сплошь и рядом.

– Я не успеваю следить за вашей мыслью.

– Извините. Я имела в виду каменные метеориты. Иридий настолько редко встречается в горных породах, что его практически невозможно обнаружить. Основная часть добываемого иридия извлекается из упавших метеоритов, не сгоревших полностью в атмосфере. В общем, для создания того металлического тайника – а я полагаю, что он не единственный на Земле – его «строителям» следовало найти подходящее место, напичканное иридием.

[3] Наиболее распространенная подгруппа в классификации метеоритов. В составе хондритов часто присутствует иридий.

– Путешествие к центру Земли?

– Вы правы, один из хороших способов обнаружить иридий – это путешествовать в стиле Жюля Верна. Для того чтобы получить данный металл в необходимом количестве, надо или пробуравить кору на тысячи миль вглубь, или научиться вести разработки в открытом космосе. При всем уважении к мистеру Верну мы еще очень далеки от первого метода. Самые глубокие шахты, имеющиеся в настоящее время, покажутся мелкими оспинками по сравнению с тем, что потребуется. А вот космическое пространство – реальная и доступная альтернатива. К примеру, сейчас некоторые частные компании нацелены на то, чтобы добывать в космосе воду и ценные минералы. Однако хочу отметить, что подобные проекты пока находятся на начальных этапах разработки. Но если научиться собирать метеориты в космосе, можно получить много иридия!

– Что еще вы можете добавить?

– Пожалуй, ничего. Мы потратили месяцы на изучение кисти и панелей с помощью прекрасного оборудования, но в конце концов зашли в тупик. Я понимала, что мы задаем наивные вопросы, но не знала, какие вопросы нужно задавать. Представив предварительный отчет, я решила взять отпуск.

– Освежите мою память. Расскажите мне, к каким вы пришли выводам после проделанной работы.

– Их не было.

– Любопытно. И какой оказалась реакция со стороны заказчика?

– Моя просьба была удовлетворена.

– Неужели?

– Да. Полагаю, руководство рассчитывало на то, что я не вернусь. Я ни разу не использовала термин «инопланетяне», но, похоже, что мой отчет говорил сам за себя, хотя в целом я теряюсь в догадках.

– Объясните поподробнее.

– Думаю, есть гораздо более приземленное и рациональное объяснение, кроме инопланетного вмешательства, которое пока еще не пришло мне в голову. Как ученый я могу только утверждать лишь одно: на данный момент человечество не обладает ресурсами и технологиями, годными для создания этого радужного артефакта. Вполне вероятно, что некая древняя цивилизация обладала весьма обширными познаниями в области металлургии, но здесь надо сделать поправку на само количество иридия – будь то пять, десять или двадцать тысяч лет назад. Поэтому смею сказать: нет, я не верю, что гигантская рука и панели были созданы людьми. И вы можете делать какие угодно выводы.

Я не глупа и отлично понимаю, что, скорее всего, поставила крест на своей карьере. Определенно я потеряла всякое доверие со стороны АНБ, но как я могла еще поступить? Солгать?

– Что вы сделали, представив свой отчет?

– Отправилась домой, где все и началось. Я не была там почти четыре года, с тех пор как умер отец.

– Где вы родились?

– В местечке Дедвуд – примерно в часе езды к северу от Рэпид-Сити.

– Я не знаком с этой частью Среднего Запада.

– Я выросла в маленьком городишке, возникшем в эпоху золотой лихорадки. Порядки у нас царили жестокие – прямо как в вестернах. Последний бордель закрыли уже на моей памяти. Единственным предметом нашей гордости, помимо непродолжительного телешоу на канале «Эйч-би-оу», являлся тот факт, что

Дикий Билл Хикок[4] был убит именно в Дедвуде. Городок пережил окончание золотой лихорадки и три крупных пожара, и его население сократилось примерно до тысячи двухсот человек.

Разумеется, Дедвуд нельзя назвать процветающим уголком, однако он пока не стерт с лица земли. А от вида его окрестностей захватывает дух. Дедвуд находится на границе национального парка «Черный лес» с его причудливыми скалами, восхитительными сосновыми лесами, каменными россыпями, ущельями и горными ручьями. На мой взгляд, на всем свете не сыскать более прекрасной природы. Конечно, в прошлом у кого-то из переселенцев могло возникнуть четкое желание обосноваться именно там.

– Вы по-прежнему считаете Дедвуд своим домом?

– Да. Дедвуд – моя родина, хотя моя мать наверняка не разделяет моего мнения. Она с явной неохотой встретила меня на пороге, когда я заявилась домой. Сначала мы даже не могли найти общий язык. Я чувствовала: мама осуждает меня за то, что я столько лет не приезжала в Дедвуд и не была на похоронах отца. Она решила, что я бросила ее, предоставив ей одной пережить горечь утраты. В ее голосе сквозил такой гнев!.. Каждый человек переносит боль по-своему, и в глубине души моя мать понимала, что тогда мне просто нужно было смириться с потерей и побыть в одиночестве. Она не высказывала мне этого вслух, но похоже, что семейная трагедия навсегда испортила наши отношения. Правда, я на нее не сержусь. Мать достаточно настрадалась, и у нее есть все основания быть недовольной. Первую неделю мы избегали друг друга и старались не разговаривать.

Войдя в свою комнату, я почувствовала, как на меня нахлынули воспоминания. В детстве я частенько ночью выбиралась из кровати и садилась у окна, дожидаясь, когда отец отправится на шахту. Перед ночной сменой он обязательно заглядывал ко мне и предлагал выбрать игрушку, которую клал в свой контейнер с обедом. Папа утверждал, что обязательно будет думать обо мне, когда будет перекусывать, и перерыв пролетит для него незаметно. Он был немногословен, как со мной, так и с моей матерью, но знал, как много значат для ребенка всякие мелочи, и никогда не забывал заботливо укутать меня одеялом. Как мне хотелось, чтобы он оказался рядом и я могла с ним поговорить! Отец не получил высшего образования, но у него была ясная голова. Откровенничать с мамой я не могла.

Ладно, вернемся в недавнее прошлое. Постепенно мы с матерью начали беседовать друг с дружкой, недолго, но очень мило, что было желанной переменой по сравнению с фальшивыми вежливыми замечаниями о еде, которыми мы обменивались в первые дни после моего возвращения. Однако то, чем я занималась, было засекречено, и я прилагала максимальные усилия, чтобы перевести разговор в иное русло. С каждой неделей это становилось все легче, и я ловила себя на том, что размышляю об ошибках, совершенных мной в детстве и забываю о подземной лаборатории.

Но спустя месяц я расхрабрилась и отправилась на то место, где впервые увидела кисть. Яму, куда я провалилась, давно закопали. Среди камней пробивались молодые деревца. Смотреть было не на что. Я бесцельно бродила по лесу до заката. Почему я первая обнаружила руку? Не сомневаюсь, что где-то должны быть и другие мерцающие артефакты. Почему никто их не обнаружил?

[4] Джеймс Батлер Хикок (Дикий Билл Хикок) (1837–1876) – герой американского Дикого Запада, стрелок, разведчик. Эпизод с его гибелью есть в сериале «Дедвуд», выходившем на канале «Эйч-би-оу».

Почему это случилось в тот день? Кисть пролежала в тайнике долгие тысячи лет. Почему все произошло именно тогда? Что явилось толчком? Что возникло двадцать лет назад и «разбудило» то неизвестное, что не проявляло себя на протяжении предыдущих тысячелетий?

И вдруг меня осенило. *Вот* тот самый вопрос. Мне нужно определить, что действительно «включило» кисть.

Документ № 004

Беседа со старшим уорент-офицером третьего класса вооруженных сил США Карой Резник.

Место: военный аэродром Коулмен, Мангейм, Германия.

– Пожалуйста, назовите свою фамилию, имя и воинское звание.

– Вам уже все известны. Перед вами лежит мое личное дело.

– Мне сказали, что вы окажете нам содействие. Для протокола нужно, чтобы вы назвали имя и воинское звание.

– Может, вы мне сначала что-нибудь толком объясните.

– К сожалению, не могу этого сделать. Пожалуйста, назовите свою фамилию, имя и воинское звание.

– «К сожалению, не могу этого сделать». Вы всегда так развернуто формулируете свои мысли?

– Мне нравятся развернутые формулировки. На мой взгляд, они помогают избегать недоразумений. Я терпеть не могу повторять одно и то же.

– Хорошо. Имя и фамилия. Если для вас столь важен протокол, можете прочитать все вслух.

– Как вам угодно. Вы – старший уорент-офицер третьего класса Кара Резник, пилот вертолета сухопутных сил армии США. Правильно?

– Была пилотом. Меня отстранили от полетов, что вам, вероятно, давно известно.

– Нет. А что случилось?

– У меня отслоилась сетчатка глаза. Произошло это безболезненно, но зрение ухудшилось. Завтра мне предстоит операция. На мой вопрос врачи ответили, что с определенной долей вероятности я снова смогу летать… что мне показалось подозрительно похожим на «нет».

Простите, я не расслышала, как вас зовут?

– Я себя не называл.

– А почему бы вам не представиться? Для протокола.

– На то есть много причин, одни из которых существеннее других. Для вас достаточно будет знать, что если бы я назвал вам свое имя, вас бы вообще не выпустили отсюда живой.

– Вы могли бы просто ответить отказом. Вы считаете, что запугивание является хорошим методом?

– Если вам показалось, что я вас запугиваю, старший уорент-офицер Резник, я приношу свои искренние извинения. У меня и в мыслях не было причинять вам беспокойство. Но я не хочу, чтобы вы вообразили, будто я с вами заигрываю.

– Значит, вас беспокоит моя безопасность? Как благородно! Но почему я здесь?

– Вам надо рассказать о том, что случилось в Турции.

– В Турции ничего не произошло. По крайней мере, ничего интересного.

– Позвольте судить об этом мне. Мой уровень допуска к секретной информации на несколько пунктов выше вашего. Давайте же начнем с самого начала.

– Я не вполне вас понимаю.

– Как вы оказались в Турции?

– Меня вызвали в штаб группировки НАТО. Я прибыла рано утром, но успела немного поспать: совещание назначили на шестнадцать часов. Меня представили моему напарнику уорент-офицеру Митчеллу, и мы отправились на задание. Нам предстояло ночью вылететь из Аданы на усовершенствованном вертолете «Ю-эйч-60», выполненном по технологии «стелс». Мы должны были войти в воздушное пространство Сирии на очень малой высоте и взять образцы воздуха приблизительно в двенадцати милях к югу от границы, в окрестностях Эр-Ракки.

– Вы сказали, что прежде не были знакомы со своим напарником. Однако в армии предпочитают слетавшиеся экипажи. Странно, что на столь ответственное и рискованное задание вас отправили с незнакомым человеком. Почему вторым пилотом с вами не полетел ваш обычный напарник?

– Он перевелся в другой экипаж.

– Почему?

– Спросите у него.

– Уже спросил. Будете ли вы удивлены, узнав, что ваш бывший напарник попросил перевести его куда угодно, лишь бы он летал с другим первым пилотом? Если не ошибаюсь, по отношению к вам он употребил несколько эпитетов: «упрямая», «своенравная», «раздражительная». У него богатый лексикон.

– Он обожает «скрабл»[5].

– Именно поэтому вы не поладили между собой?

– Лично я против него ничего не имела.

– По-моему, вы уклоняетесь от ответа. Редко можно встретить человека, готового поставить под угрозу свою карьеру в армии только потому, что ему не нравится чье-то общество.

– Мы расходились с ним в разных вопросах, но я никогда не допускала, чтобы наши споры сказывались на полетах. Не моя вина, что мой бывший напарник не смог поступить таким же образом.

– Значит, вы не виноваты в том, что людям трудно с вами сработаться. Просто такая вы есть.

– Наверное. Послушайте, вам нужно вытащить из меня признание в том, что в общении я не самый приятный человек? Ладно, я это подтверждаю. Но ведь мы сидим здесь не для того, чтобы обсуждать мое обаяние, верно? Вы хотите узнать, как я разбила вертолет стоимостью двадцать миллионов долларов посреди фисташковой рощи, да?

– Можно начать и с аварии. Итак, вам предстояло взять образцы воздуха – но с какой целью?

– В НАТО считают, что в Сирии на протяжении многих лет ведется ядерная программа, и хотят положить ей конец. Еще в две тысячи седьмом году Израиль разбомбил какой-то объект, предположительно ядерный реактор, но в НАТО не

[5] Настольная игра, в которой игроки соревнуются в составлении из букв слов на специальной доске.

желают предпринимать решительные шаги, опираясь на скудные данные и догадки.

– Ваше начальство предпочло бы получить неопровержимые доказательства, прежде чем предпринять военную операцию.

– Оно хочет застать сирийцев со спущенными портками. Источник в сирийской военной разведке сообщил американцам, что в окрестностях Эр-Ракки проводятся подземные испытания, а поскольку Сирия отказывается допустить международных инспекторов в свои ядерные центры, мы должны были воспользоваться тайными способами.

– Входило ли в вашу задачу что-либо помимо взятия проб?

– Нет. Нам предстояло слетать туда и обратно. Нас снабдили весьма громоздким оборудованием, позволяющим определить по пробам воздуха наличие ядерной активности. Мы вылетели с военно-воздушной базы Инджирлик в два часа ночи, как и было запланировано. Примерно час мы двигались на восток вдоль границы, затем повернули на юг и вошли в воздушное пространство Сирии. Минут двадцать мы летели над самой землей, на высоте восемьдесят футов. Назначенной точки мы достигли приблизительно в три пятнадцать, взяли пробы и стали возвращаться обратно, следуя тем же курсом.

– Вы сильно волновались?

– Вы шутите! Я нервничаю, только если забываю вовремя оплатить счет за телефон. Нет, там совсем другое! Но если серьезно: ты летишь на бреющем со скоростью сто шестьдесят миль в час над вражеской территорией да еще используешь прибор ночного видения. Если от этого у вас не будет колотиться сердце, тогда я не знаю, что еще вам надо. В общем, отвечаю на ваш вопрос: да, мы оба были на взводе. Вокруг ничего не видно, можно смотреть только в прибор ночного видения. Возникает ощущение, что ты с невероятной скоростью несешься по узкому туннелю, залитому зеленым светом.

– Все прошло по плану?

– Как часы. Меньше чем через двадцать минут мы возвратились в воздушное пространство Турции. Я поднялась на восемьсот футов, и мы поспешили отойти подальше от границы. Мы приближались к Харрану, когда заметили прямо перед собой странный свет. Это были не городские огни. Внизу простиралась сельская местность, да и цвета были не те. И вдруг – ни с того ни с сего – двигатель заглох и в кабине воцарилась темнота.

Было слышно, как, замедляясь, вращается по инерции несущий винт, а потом наступила тишина. От земли исходило бирюзовое сияние. Бесчисленные деревца или кустарники, посаженные ровными рядами в тридцати футах друг от друга, напоминали ковер, а между ними, как прорехи, мелькала голая почва. Мы сидели в кабине и молча таращились вниз. Зрелище было сюрреалистическое… и умиротворяющее. Но вскоре вертолет камнем полетел вниз.

Когда мы грохнулись, меня оглушило, потому что в забрало шлема меня ударила подушка безопасности. Наконец я очнулась. Мой напарник куда-то исчез. Старик в белой хлопчатобумажной рубахе пытался расстегнуть ремни, удерживающие меня в кресле. Ему, думаю, было лет шестьдесят. Смуглое, сморщенное лицо. Глядя на меня, он что-то пробормотал, наверняка сознавая, что я не понимаю ни слова. Затем он широко улыбнулся. У него недоставало передних зубов, но глаза у него оказались добрые и участливые. Придя в себя, я помогла старику расстегнуть ремни.

Он осторожно помог мне выбраться из кабины, перекинув мою руку себе на плечо. Внезапно кто-то схватил меня за другую руку – молоденькая девчушка лет

шестнадцати. Я заметила, что она очень красива, хотя она не поднимала головы. Девушка почти ничего не говорила. Старик обратился к ней. Он мог быть ее отцом или дедом. Они усадили меня на землю – шагах в ста от вертолета, и старик дал мне глотнуть воды из фляжки. Девочка протянула мне тряпицу и указала на мой лоб. Поскольку я не возражала, она приложила тряпку к моему правому глазу, а через пару секунд отняла ее от моего лица и спрятала. Вероятно, надеялась на то, что я не замечу кровь.

– Где был ваш напарник?

– Сперва я не могла понять. Только спустя минуты две я увидела людей, столпившихся за вертолетом. Я поднялась на ноги. Девушка твердила мне что-то на турецком – полагаю: «Не надо вставать». Но я поплелась к свету и замерла на краю огромной воронки, изуродовавшей фисташковую рощу. А сияние… оно так и не померкло и было очень ярким.

Митчелл стоял там вместе с местными жителями. Он даже обнял меня и прижал к себе. Казалось, он искренне обрадовался, увидев меня живой.

Не могу сказать точно, на что именно мы смотрели, но это было самое впечатляющее зрелище, какое мне когда-либо приходилось видеть.

Сам предмет был похож на кита, сделанного из темного металла, а может, на корабль или на компактную подводную лодку. Гладкие плавные обводы смахивали на фюзеляж «Боинга-747», но только без различимых отверстий, крыльев и хвостового оперения. Штуковина напоминала скульптуру какого-нибудь знаменитого итальянского мастера, а не вещь, созданную для утилитарных целей. Вдобавок ее поверхность через равные промежутки покрывала сеть бирюзовых прожилок, которые образовывали рисунок вроде паутины.

– Сколько времени вы там пробыли?

– Думаю, минут десять. Из оцепенения нас вывел гул других вертолетов и вихрь, швырнувший песок в лицо. Четыре «Блэкхока» приземлились вокруг воронки, высадив столько морпехов, сколько я в жизни не видывала. Нас с Митчеллом отвели в ближайший вертолет, который моментально поднялся в воздух. А морские пехотинцы тем временем отгоняли людей от воронки. Я успела заметить, как двое из них не дают местным полицейским приблизиться к той штуковине.

– Да, это было очень... некстати... вмешательство местных властей. Было бы гораздо лучше, если бы полиция прибыла на место позже. Пожалуйста, продолжайте.

– А мне больше нечего добавить. Меня доставили в госпиталь на военной базе в Турции. Час назад меня переправили сюда. Я готовлюсь к глазной операции. Кстати, как вы узнали, что я здесь?

– Разве это столь важно?

– Ага, теперь мне ясно, что вы будете держать меня в неведении! Но вы, по крайней мере, можете мне объяснить хоть что-нибудь конкретное?

– В данный момент государственный департамент ведет переговоры с турецким правительством насчет разрешения забрать обломки секретного американского боевого самолета времен Второй мировой войны: эти фрагменты случайно обнаружили крестьяне провинции Урфа.

– Вы шутите! Куски старого самолета не могли сбить мой вертолет! Неужели вы всерьез полагаете, что я поверю в ваши россказни?

– Совершенно не важно, во что конкретно поверите вы. Имеет значение лишь то, во что поверит турецкое правительство. А оно должно не

сомневаться в том, что мы забираем в Соединенные Штаты обломки американского самолета, который разбился семьдесят лет назад.

– Но вам ведь кое-что известно?

– Что вы думаете об уорент-офицере Митчелле?

– Вы опять меня игнорируете.

– ...

– Митчелл – замечательный парень. Он держался молодцом.

– Я имел в виду другое. Что вы думаете о нем как о человеке?

– Послушайте, я едва не погибла из-за блестящей штуковины, способной в считаные секунды на расстоянии завалить боевой «Блэкхок»! Вам и впрямь интересно мое мнение о личных качествах моего второго пилота?

– Да. Я осведомлен о том, каким образом ваш вертолет потерпел аварию. Я был бы слеп, если бы не видел, что вас терзает желание узнать, как это произошло. Если бы не поджимало время, мы могли бы спокойно с вами обо всем побеседовать. Но, к сожалению, вскоре я должен уехать.

Вероятно, вам кажется, что мои вопросы были несущественными, но вы должны понимать, что у меня есть доступ к гигантскому массиву засекреченной информации, поэтому вы вряд ли можете меня озадачить или поразить мое воображение. Итак, что вы думаете о мистере Митчелле?

– Господи! Ладно, я провела с ним полтора часа. Мы оба родом из Детройта. Он на два года старше меня, но некоторое время мы учились в одной школе. Митчелл посчитал невероятным совпадением то, что мы с ним оказались в одной «птичке». Он любит музыку кантри, которую я на дух не переношу, но мы сходимся в том, что команда «Лайонс» не выйдет в плей-офф. Вы довольны?

– Как его имя?

– Что-то я запамятовала! Впрочем, Райан, если я не ошибаюсь. А теперь вы можете просветить меня насчет того случая? Вы можете сказать, есть ли где-нибудь еще подобные штуковины?

– Благодарю вас, мисс Резник, за то, что уделили мне полчаса...

Да, чуть не забыл. Если вам интересно, ваш бывший напарник также добавил, что вы лучший пилот, с каким ему только приходилось летать.